Автор: raaghul30
26.08.2014 12:03 -

Легко ли быть мужчиной? О женском недовольстве

Мужчины (не буду называть вас «уважаемые», ибо вы давно уже не уважаемые, не буду называть вас «дорогие», ибо и этот термин уже сродни древнему артефакту эпохи палеолита), что вы обычно слышите в свой адрес из уст знакомых женщин, сослуживиц, случайных незнакомок, особенно если не афишируете свое присутствие, остаетесь незамеченными?

Я вот слышу что-то вроде «Настоящих мужиков не осталось», «Мужики измельчали», «Мужик нынче выродился». Или «Где мужики-то? Одни алкаши остались!». Или «Да он и гвоздь вбить не умеет!». Или извечное женское, накипевшее за долгие годы страданий и унижений, подытоживающее все никчемное мужское существование на фоне женщины резюме «Да все мужики козлы!».

Женщины нами явно и категорически недовольны. Я проработал в исключительно женском коллективе почти пять лет и имел возможность наблюдать женщин в самых различных ситуациях и состояниях ума, тела и души, когда они переставали играть. К моему глубокому прискорбию, выяснилось, что даже те Евины дочери, чьи благоверные исправно трудились на производственной и домашней нивах, не поторопились успешно спиться, не ушли в автономное плаванье к другим обетованным берегам-семьям, также недовольны своими половинками.

Например, у одной коллеги супруг занимал очень ответственный пост на одном из крупнейших предприятий области. Без малейшего намека на художественную гиперболу: дом – полная чаша из чистого золота, переливающаяся благоухающей амброзией семейного уюта и комфорта. Дамский седан нежно-розового цвета. Туалеты, если не прямо от Лагерфельда, то и не от Секондхенда. Ежегодные туры в Европу и Северную Африку. Живи да радуйся такому мужу! Нет, радоваться искренне никак не получалось. Нежные семейные отношения явно что-то омрачало, причем с такой стихийной разрушительной силой, что утонченная коллега то и дело восклицала в сердцах «Убила бы!».

Вторая сотрудница про существование Туниса и Майорки даже не подозревала, ходила преимущественно пешком или в лучшем случае передвигалась на маршрутке, из нарядов предпочитала свитера и брюки темных немарких тонов. Но зато неоднократно демонстрировала нам свой двухэтажный дом из пяти комнат, где каждый гвоздь был на

месте, и часами могла рассказывать о своих детях, оба из которых учились на платных отделениях не самых заваляющих вузов нашего города. Мужа также демонстрировала, но строго на фоне домика-игрушки. В приватных и не очень беседах сама, по секрету всему свету, не раз всему отделу поверяла тайны их интимных радостей. И тем не менее, и она, когда речь заходила не о доме и муже и не о детях и муже, а просто о муже, радостно плевалась наболевшей желчью, ставя меня в совершеннейший тупик. Как, и ты Брут?!

Супруга второй коллеги я знал лично. Если можно о человеке судить по внешнему виду, то он принадлежал к тому классу млекопитающих, у которых передние конечности были чрезвычайно развиты за счет значительных физических нагрузок в доме и на даче, оставшаяся шерсть клоком была сильно побита молью, а по рано ссутулившейся фигуре и апоплексическому румянцу лица читались преждевременный остеохондроз и угроза ранних инфаркта и инсульта. Такие обычно умирают, согласно российской статистике – точно в пятьдесят шесть. Был он всегда грустен и всегда торопился домой. К жене и к дому (именно – не в дом, а к дому). Там его всегда ждали дела, о чем он печально и покорно, как ослик Иа, вздыхал.

У третьей коллеги муж был ученый. Ученый в том плане, что прочел много книг и даже знал иностранный язык. Он разбирался в раннем Гогене и позднем Ван Гоге, утописту Толстому предпочитал реалиста Достоевского, сочинял стихи и пел под гитару. С ним можно было поговорить на самые разные темы, но коллегу, по причине ее крестьянско-пролетарского воспитания, разные темы не интересовали. Ее интересовала одна тема: деньги.

И она их зарабатывала, «челноча» по разным странам Восточной Европы, распихивая женские трусы и мужские носки по различным своим частям тела, подвергалась угрозе ареста и депортации, потому что имела перед собой высокую цель: построить еще один дом. Четырехкомнатной квартиры в престижном районе и дачи в придачу ей давно было мало, ей хотелось еще дом. Супруг ее еще один дом строить не желал, считая это мещанством и упадничеством, за что и огребал по полной программе на орехи и изюм от своей супружницы-антрепренера.

Все эти три разных примера объединяет одно: женское недовольство в отношении, как мне показалось, не самых худших представителей сильного пола (об остальных, не столь ярких образчиках пола мужского, примитивного, как говорится, помолчим). Недовольство явное, трудно скрываемое, перманентное. Этакий непрекращающийся ПМС, плавно переходящий в климакс, наступающий у некоторых женщин после

тридцати.

Причем, каждый из приведенных случаев – типичный и далеко не категоричный. То есть, я знаю семьи, где недовольство давно перешагнуло за грань вечного бурчания – «обычной» манеры общения со стороны супруги, и придирок по поводу и без повода. Оно превратилось в тихую женскую ненависть. В этакую некровавую вендетту. Спокойную и терпеливую месть за «лучшие годы, молодость и красоту, отданные неизвестно кому».

Для равновесия я пытаюсь вспомнить не просто счастливые браки (счастливых браков, как известно, не бывает, а бывают браки успешные), а браки, где женщины, пускай и с трудом, но находили бы несколько слов одобрения для тех, кто рядом с ними. Кого бы они хотя бы иногда любили и ценили. И иногда об этой любви говорили... Вспоминаю и не могу вспомнить...

Автор - **Игорь Ткачев**
Источник